

Антон Чехов

Холодная кровь

Антон Павлович Чехов

Холодная кровь

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172551
А.П. Чехов Избранное: Эксмо-Пресс; Москва; 2004
ISBN 5-04-007261-9*

Аннотация

«Длинный товарный поезд давно уже стоит у полустанка. Паровоз не издает ни звука, точно потух; около поезда и в дверях полустанка ни души.

От одного из вагонов идет бледная полоса света и скользит по рельсам запасного пути. В этом вагоне на разостланной бурке сидят двое: один – старый, с широкой седой бородой, в полушубке и в высокой мерлушковой шапке, похожей на папаху, другой – молодой, безусый, в потертом драповом пиджаке и в высоких грязных сапогах. Это грузоотправители. Старик сидит, протянув вперед ноги, молчит и о чем-то думает; молодой полулежит и едва слышно пиликает на дешевой гармонике. Около них на стене висит фонарь с сальной свечкой...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Антон Павлович Чехов

Холодная кровь

Длинный товарный поезд давно уже стоит у полустанка. Паровоз не издает ни звука, точно потух; около поезда и в дверях полустанка ни души.

От одного из вагонов идет бледная полоса света и скользит по рельсам запасного пути. В этом вагоне на разостланной бурке сидят двое: один – старый, с широкой седой бородой, в полушубке и в высокой мерлушковой шапке, похожей на папаху, другой – молодой, безусый, в потертом драповом пиджаке и в высоких грязных сапогах. Это грузоотправители. Старик сидит, протянув вперед ноги, молчит и о чем-то думает; молодой полулежит и едва слышно пиликает на дешевой гармонике. Около них на стене висит фонарь с саловой свечкой.

Вагон полон груза. Если сквозь тусклый свет фонаря взглядеться в этот груз, то в первую минуту глазам представится что-то бесформенно-чудовищное и несомненно живое, что-то очень похожее на гигантских раков, которые шевелят клешнями и усами, теснятся и бесшумно карабкаются по скользкой стене вверх к потолку; но взглядишься попристальнее, и в сумерках начинают явственно вырастать рога и их отражения, затем тощие, длинные спины, грязная шерсть, хвосты, глаза. Это быки и их тени. Всех быков в вагоне во-

семь. Одни из них, обернувшись, глядят на людей и помахивают хвостами, другие стараются лечь или стать поудобнее. Им тесно. Если один ложится, то остальные должны стоять и жаться друг к другу. Нет ни яслей, ни коновязей, ни подстилок и ни клочка сена...¹

После долгого молчания старик вытаскивает из кармана серебряную луковицу и спрашивает, который час: четверть третьего.

– Уж второй час стоим, – говорит он, зевая. – Пойти поторопить их, а то до утра будем здесь стоять. Они позаснули, или бог их знает, что они там.

Старик встает и вместе со своею длинною тенью осторожно спускается из вагона в потемки. Он пробирается вдоль поезда к локомотиву и, пройдя десятка два вагонов, видит раскрытую красную печь; против печи неподвижно сидит человеческая фигура; ее козырек, нос и колени выкрашены в багровый цвет, все же остальное черно и едва вырисовывается из потемок.

– Долго еще тут стоять будем? – спрашивает старик.

Ответа нет. Неподвижная фигура, очевидно, спит. Старик нетерпеливо крикает и, пожимаясь от едкой сырости, обходит локомотив, причем яркий свет двух фонарей на мгновение бьет ему в глаза, а ночь от этого становится для него еще чернее; он идет к полустанку.

¹ На многих дорогах, во избежание несчастных случаев, запрещается держать в вагонах сено, а потому живой груз во все время пути остается без корма.

Платформа и ступени полустанка мокры. Кое-где белеет недавно выпавший, тающий снег. В самом полустанке светло и натоплено жарко, как в бане. Пахнет керосином. Кроме десятичных весов и небольшого желтого дивана, на котором спит какой-то человек в кондукторской форме, в помещении нет никакой мебели. Налево две настежь открытые двери. В одну из них видны телеграфный станок и лампа с зеленым колпаком, в другую – небольшая комнатка, наполовину занятая темным шкапом. В этой комнатке на подоконнике сидят обер-кондуктор и машинист. Оба они мнут в руках какую-то шапку и спорят.

– Это не настоящий бобер, а польский, – говорит машинист. – Настоящие бобры не такие бывают. Всей этой шапке, ежели желаете знать, красная цена – пять целковых!

– Понимаете вы много... – обижается обер-кондуктор. – Пять целковых! А вот мы сейчас купца спросим. Господин Малахин, – обращается он к старику, – как по-вашему: польский это бобер или настоящий?

Старик Малахин берет в руки шапку и с видом знатока щупает мех, дует, нюхает, и на сердитом лице его вдруг вспыхивает презрительная улыбка.

– Стало быть, польский! – говорит он радостно. – Польский и есть.

Начинается спор. Обер-кондуктор доказывает, что на шапке бобер настоящий, а машинист и Малахин стараются убедить его в противном. Среди спора старик вдруг вспоми-

нает о цели своего прихода.

– Бобер бобром, шапка шапкой, а поезд стоит, господа! – говорит он. – Что ж? Кого ждем? Поедем!

– Поедем, – соглашается обер-кондуктор. – Выкурим еще по папироске и поедем. Только спешить нечего... Все равно нас задержат на станции!

– Это с какой стати?

– А так... Запоздали слишком... Если на одной станции опоздаешь, то на других поневоле будут задерживать, чтоб дать ход встречным. Поезжай хоть сейчас, хоть утром, а все равно нам уж не придется ехать четырнадцатым номером. Поедем, должно быть, двадцать третьим.

– Это же по-каковски?

– А по-таковски.

Малахин пытливо глядит на обер-кондуктора, думает и бормочет машинально, как бы про себя:

– Накажи меня бог, считал и даже в книжку записал: за всю дорогу простояли мы лишних тридцать четыре часа. Доведете вы, господа, до той точки, что у меня или быки подохнут, или мне за мясо, когда до места доеду, и двух рублей не дадут. Это не езда, а чистое разоренье!

Обер-кондуктор поднимает брови и вздыхает с таким выражением, как будто хочет сказать: «К сожалению, все это правда!» Машинист молчит и задумчиво оглядывает шапку. По лицам обоих видно, что у них есть какая-то одна общая тайная мысль, которую они не высказывают не потому, что

хотят скрыть ее, а потому, что подобные мысли передаются молчанием гораздо лучше, чем на словах. И старик понимает. Он лезет в карман, достает оттуда десятирублевку и без предисловий, не меняя ни тона голоса, ни выражения лица, а с уверенностью и прямою, с какими дают и берут взятки, вероятно, одни только русские люди, подает бумажку обер-кондуктору. Тот молча берет, складывает ее вчетверо и не спеша кладет в карман. После этого все трое выходят из комнаты и, разбудив на пути спящего кондуктора, идут на платформу.

– Погода! – крикает обер-кондуктор, вздрагивая плечами. – Зги не видать!

– Да, волчья погода...

В окно видно, как около зеленой лампы и телеграфного станка появляется белокурая голова телеграфиста; около нее показывается скоро другая голова, бородатая и в красной фуражке – должно быть, начальника полустанка. Начальник нагнулся к столу, читает что-то на синем бланке и быстро водит папиросой вдоль строк... Малахин идет к своему вагону.

Его спутник, молодой человек, по-прежнему полулежит и едва слышно пиликает на гармонике. Он безус, почти еще мальчик; полное, белое лицо его с широкими скулами детски задумчиво, глаза глядят не как у взрослых, а грустно и покорно, но весь он широк, крепок, тяжел и груб так же, как старик; он не шевелится и не меняет своей позы, точно ему не под силу приводить в движение свое крупное тело. Поше-

велись он, и тотчас, кажется, на нем что-нибудь лопнет или раздастся стук, которого испугаются и быки и он сам. Из-под его больших, толстых пальцев, неповоротливо перебирающих клавиши и клапаны гармоники, непрерывно текут мелкие, жиденькие звуки и сливаются в немудрый, однообразный мотивчик; он слушает и, по-видимому, очень доволен своей музыкой.

Слышится звонок, но так глухо, как будто бы звонят не вблизи, а где-то очень далеко. За ним тотчас же следует торопливый второй звонок, потом третий и свист обер-кондуктора. Проходит минута в глубоком молчании; вагон не движется, стоит на месте, но из-под него начинают слышаться какие-то неопределенные звуки, похожие на скрип снега под полозьями; вагон вздрагивает, и звуки стихают. Наступает опять тишина. Но вот раздается лязг буферов, от сильного толчка вагон вздрагивает, точно делает прыжок, и все быки падают друг на друга.

– Чтоб тебя на том свете так дернуло! – ворчит старик, поправляя свою высокую шапку, съехавшую от толчка на затылок. – Этак он у меня всю скотину перекалечит!

Яша молча встает и, взяв одного упавшего быка за рога, помогает ему подняться на ноги... Вслед за толчком опять наступает тишина. Из-под вагона слышатся звуки скрипящего снега, и кажется, что поезд тронулся слегка назад.

– Сейчас опять дернет, – говорит старик.

И действительно, по поезду проносится судорога, разда-

ется треск, вагон вздрагивает, и быки опять падают друг на друга.

– Задача! – говорит Яша, прислушиваясь. – Должно, поезд тяжелый. Никак не сдвинет.

– Раньше не был тяжелый, а теперь вдруг потяжелел. Нет, брат, это значит, обер-кондуктор с ним не поделился. Поди-ка снеси ему, а то он до утра будет дергать.

Яша берет у старика трехрублевую бумажку и прыгает из вагона. Его тяжелые шаги глухо раздаются вне вагона и постепенно стихают. Тишина... В соседнем вагоне протяжно и тихо мычит бык, точно поет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.